

Но зритель меняется и в других отношениях. В 90-е гг. он уже не тот, что был в 60-е гг. Сегодня человек живет в информационном мире, в постоянном контакте с окружающей средой. Даже когда он уединяется, на него обрушивается бесконечное телевидение, и человек попадает во всеобщее информационное движение. Родается феномен «одинокой толпы» (Д. Рисмен). Противоречивость такого существования выражается в том, что, во-первых, у человека появляется потребность в частных, индивидуальных контактах в сфере художественного общения; во-вторых, появляется потребность сохранить личную реакцию на внешние воздействия; в-третьих, это необходимость постоянной активизации живого общения, обострение отношений и их разнообразие. Многообразие в современном театре появилось, а вот живое непосредственное общение, интимный «задушевный» контакт способна организовать только Малая сцена.

Усиление личностного начала в театральном искусстве и психологии зрителя конца XX – начала XXI века привело к распространению в театрах «новой драматургии» (а-ля Н. Коляда, В. Сигарев, М. Ладо и Е. Гришковец), появлению «исповедальной манеры» исполнения и повышение интереса театру «вербати» и тд. То есть на сегодняшний день усиливаются две параллельно существующие тенденции. Первая – театр – машина, который работает на массового зрителя, ставит мюзиклы и грандиозные представления, оформленные техническими новшествами (лазерами, микрофонами, проекторами, «звуком вокруг»). Такой театр обслуживает до 2500 зрителей за вечер. Конечно, время не стоит на месте, развивается техника, и технологии в некоторых театрах заменяют звучание живого актерского голоса, а лазеры – энергию человеческих глаз, которых на большой сцене и не разглядишь. Но как обратная реакция, в век развития коммуникаций возникает некоммуникабельность. Второй тип театра очень скромен в использовании технических новшеств, его зритель немногочислен (от 20 человек). Здесь фактор доходности вытесняется человеческим фактором. Это театр, в котором автор, актеры, режиссер, художник обращаются лично к зрителю и предлагают вступить с ними диалог; а в свою очередь, зритель сам решает, включатся ему в этот диалог или остаться сторонним наблюдателем. То есть Малая сцена пытается утолить жажду духовной связи человека с человеком и надеется, что век индивидуализма пройдет. Можно сказать, что Малая сцена повышает уровень культуры художественного общения, как оптимальной формы для восстановления способности и театра и зрителя к диалогу. Ведь театр XXI века стремится воплотить идеи, высказанные еще в XX веке А. Арто, П. Бруксом и др.: «В современном обществе, в котором выражение души приносится в жертву механизированным отношениям, спецэффектам, в жертву сфере внешнего, необходимо противостоять отстраненности. Зритель должен находить не только радость для глаза». Малая сцена – это один из вариантов протеста против обезчеловечивания, которое ежедневно происходит в индустриальном обществе. Это один из вариантов «тренировки души», которая необходима для того, чтобы душа не стала набором отлаженных функций, механизмом. Это один из вариантов театра, живущего по принципу «о человеке, по-человечески, для человека».

ЖУРАВЛЕВА Н.И.
ГУДОВА М.Ю.,
РАКИПОВА И.Д.
г. Екатеринбург

ИНТОНАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА, ДИЗАЙНА И РЕКЛАМЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В нашей культурной ситуации, которую по мнению многих ученых, определяют тенденции деконструкции и симулятивности, нам представляется особенно важным

обнаружить механизмы, благодаря которым продолжают существовать и развиваться выработанные культурой стратегии взаимопонимания и сопереживания, резонансного настроения на «другого», которые, на наш взгляд, составляют сущность толерантности.

Искусство в силу своей коммуникативно-диалогической природы несет в себе сущностные задатки толерантности. Но актуализируемые им интенции реципиента – соучастника диалога могут оказаться как толерантными, так и наоборот. Особенно актуальным представляется изучение особенностей проявления толерантности в тех видах искусства и близких к нему формах творчества, направленность которых на формирование переживательных и смысловых установок внутреннего мира личности имеет целеположенный и формообразующий характер.

В качестве единого и уникального механизма, генерирующего и воплощающего духовность на уровне личности и общества, проявляющего генетическое единство таких явлений, как внутренний мир человека, искусство и культура нами рассматривается интонация.

Традиционно интонация связывается с человеческой речью и музыкальным искусством. Мы считаем, что интонация является общехудожественным и общекультурным феноменом, в силу чего может выступать уникальным и изоморфным средством воплощения толерантности внутреннего мира человека, а так же искусства, рекламы и дизайна.

Мы рассматриваем интонацию в качестве субъектно-онтологического основания бытия культуры, укорененного во внутреннем мире человека, и исследуем то, каким образом в интонации проявляется толерантность культурных феноменов: языка, сознания, слова. Такой подход позволяет гармонично синтезировать представления различных гуманитарных наук (философии, психологии, искусствознания и культурологии) о едино-противоречивом содержании индивидуального мира культуры человека (его духовно-душевном бытии) и его выразительном воплощении в социально-значимые культурные формы: искусство, рекламу и дизайн.

Мы впервые предлагаем расширенное, многоплановое виденье интонации как общекультурного и общезстетического явления. Оно дает в руки исследователя интонацию как незаменимый инструмент для постижения толерантности многоаспектного внутридусевного бытия человека, а также для понимания уникальной природы толерантности художественно-образной системы искусства, тесно связанных с ним дизайна и рекламы, а в перспективе и других укорененных во внутреннем мире человека явлений культуры, таких как религия, политика, мораль и право.

Изучение интонации во внутреннем мире человека и создаваемых им творениях культуры находится на начальном этапе. Об интонационной насыщенности духовно-душевной жизни говорили такие ученые как М.М. Бахтин, М. Бубер, М. Хайдеггер, М. Шелер, К. Юнг, однако никто из них не занимался специальным изучением этой проблемы, тем более в связи с феноменом толерантности. Психологи говорят о формально-динамических признаках музыкальности: континуальности и многоголосии переживательных состояний – Б.И. Додонов, Б.М. Теплов. Философы сосредотачиваются на духовно-душевной содержательности искусства – Л.А. Закс, М.С. Каган, А.Ф. Лосев. В гораздо большей мере интонация изучена в прикладных искусствоведческих науках: Б.В. Асафьевым и В.В. Медушевским – в музыкознании, Б.М. Эйхенбаумом и В.Б. Шкловским, М.М. Гиршманом – в литературоведении, Н.В. Черемисиной в художественной и бытовой речи. Разрабатывая понятие интонации применительно к своим дисциплинам, эти ученые существенно расширили сферу использования интонации как метода исследования, Б.В. Асафьев впервые использовал интонацию для анализа литературных и живописных произведений, а В.В. Медушевский – для рассмотрения самого человека - в качестве автора, персонажа, и воспринимающего музыкальное произведение. Вслед за музыковедами методика интонационного анализа художественных явлений была применена Бархиным М.Г. для анализа процессуальности в архитектуре¹, а Л.М. Буткевич для анализа произведений декоративно-прикладного искусства¹¹.

В последние 2-3 года (2000 –2002 годы) появилось достаточно много новых работ, пытающихся обнаружить интонацию в качестве единого основания и способа существования «звучащих» и «скрытых» феноменов искусства и культуры, выявления их взаимозависимой и толерантной природы. Это материалы трех международных конференций «Музыка и незвучащее» (Москва – Петербург- Москва)ⁱⁱⁱ, где анализируется богатый художественный материал перевода музыки в «незвучащее состояние» или наоборот, демонстрируется то, каким образом пространственно-временные искусства способны представить инобытие музыкального или душевного движения.

Нельзя обойти стороной и новые исследования в области психологии и философии музыки, такие как монография Г.В. Иванченко «Психология восприятия музыки: подходы, проблемы, перспективы»^{iv}, где внимание уделяется в первую очередь, резонансному соответствию музыки и духовно-психологического состояния воспринимающего, а также монографию В.А. Апрелевой «Философские и эстетические проблемы в творчестве русских композиторов»^v, где раскрывается процесс музыкального творчества как философской рефлексии композиторов по поводу уникальной и узнаваемой авторской интонации в качестве критерия выразительности и законченности, самотождественности произведения.

В качестве философско-методологических оснований теории интонации нами использованы принципиальные для понимания сущности человека, искусства и культуры исследования.

Прежде всего, это концепция А. Шопенгауэра^{vi}, где воля, как и музыка, являются «до-смысловым алогическим становлением». У Шопенгауэра музыка понимается как непосредственное бытие воли, а потому является первым из искусств. Музыка не касается мира идей и независима от мира явлений. Специфика музыкального образа состоит в том, что это образ, который впервые всякий раз только еще порождается. Выражая сущность бытия в бесконечном множестве возможных мелодий, музыка всякий раз раскрывает смысл событий, происходящих под ее звучание. Звучание музыки есть интимное отношение музыки (художественно оформленного движения воли) и сущности вещи. Поэтому нет какого-либо иного сходства между реальным событием и музыкальным комментарием-сопровождением, чем переживание, и одновременно, поэтому осуществляется бессознательная способность музыки повышать значение всякой картины жизни своим звучанием.

Принципиально важными для нас в методологическом отношении являются логико-феноменологические работы А.Ф. Лосева по музыкальной эстетике, выразительности художественной формы и диалектике мифа и слова («Музыка как предмет логики», «Диалектика художественной формы», «Диалектика мифа», «Философия имени»). В них предлагается, на наш взгляд, наиболее адекватная природе интонации методика анализа этого феномена и категориальный аппарат, соответствующий многогранности исследуемой нами толерантности искусства.

Методом, определившим направление исследований от внутреннего мира человека, его структуры к феномену толерантности искусства и культуры является для нас психоанализ З. Фрейда, К. Г.Юнга, Э. Фромма, помогающий раскрыть взаимозависимость внутренних бессознательных и до-логических форм бытия духовности и феноменов культуры и искусства. Среди современных исследователей, использовавших этот метод для анализа актуальных тенденций в искусстве и рекламе необходимо назвать В.П. Руднева и его работы «Метафизика футбола: Исследования по философии текста и патографии»^{vii}, «Морфология реальности», «Прочь от реальности».

Субъектно-онтологический характер интонации обосновывается нами на основе экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера, предложенной в его труде «Бытие и время»^{viii} и экзистенциальной диалектики М. Бубера, раскрывающейся в его работе «Два образа веры».

Плодотворный путь синтеза различных философских подходов для исследования выразительности и воздействия современного искусства мы проследили в монографии Сьюзен Лангер «Философия в новом ключе: Исследование символического разума, ритуала и

искусства»^{ix}. Одна из самых известных ученых в американской эстетике первой половины XX века, Сьюзен Лангер рассматривает музыку в качестве «логического выражения чувств»^x. Музыкально-эстетическое воздействие на человека Сьюзен Лангер объясняет на основе теорий, предложенных известными психологами XX века В. Келером, Ж. Д. Юдином и К. Хубером о способности музыкальной динамики передать внутренний ритм человеческой поведенческой и эмоциональной жизни, а также о способности воплотить отношения напряжения и разрешения в эмоциях и мысли. «Формы музыкального языка», утверждает С. Лангер, «тождественны формам чувств и мысли»^{xi}, музыку она определяет как «миф внутренней жизни человека»^{xii}.

Несмотря на отсутствие ссылок С. Лангер на знаменитые работы А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» и «Музыка как предмет логики», нельзя не отметить общность исходных посылок (немецкая классическая философия и А. Шопенгауэр), и конечных выводов о музыке как логике и выразительной семантической форме чувств.

Среди других обобщающих эстетических концепций XX века, определивших методы изучения толерантности и художественной интонации, нельзя не отметить предложенные М.М. Бахтиным – философско-антропологическую, Л.А. Заксом – субъектно-онтологическую, М.С. Каганом – художественно-морфологическую, Т.А. Радионовой и Ю.Б. Боровым – коммуникативно-информационную теории интонации. В этих концепциях были разработаны основные подходы к изучению интонации, исследованы отдельные грани этого явления, в результате чего современная эстетическая мысль вплотную подошла к осознанию универсальности интонации как выразительного бытия духовности, ее онтологической сути и аналитических возможностей.

Ключевым средством экспертизы толерантности культурных феноменов мы предлагаем рассматривать «интонационный резонанс»: способность явлений (благодаря определенным способам организации интонационного строя явления: внутрибытийной и коммуникативной интонации) вызывать определенную духовно-переживательную и операционно-действенную реакцию воспринимающих.

Интонационный принцип анализа толерантности культурных явлений, генетически вырастая из исследований художественных произведений и психологических состояний, позволит систематизировать и сгруппировать частные явления культуры, искусства, дизайна, политики, рекламы в целостную картину духовной жизни и описывать не только явные и проявившиеся тенденции, но и выявлять потенциальные, как скрытые, так и скрывающиеся смыслы.

ⁱ Баркин М.Г. Динамизм архитектуры. М.: Наука, 1991

ⁱⁱ Буткевич Л.М. Орнамент как процесс. – М.: МГТУ, 2000

ⁱⁱⁱ Звучащее и незвучащее. \ Сб. статей под редакцией Вяч. Вс. Иванова, Е.В. Пермякова, Т.В. Цивьян – М.: Наука, 2000.

^{iv} Г.В. Иванченко «Психология восприятия музыки: подходы, проблемы, перспективы». М.: Смысл, 2001 – 264 с.

^v В.А. Апрелева. Философские и эстетические проблемы в творчестве русских композиторов. Ек-г.: УрГУ, 2001 – 196 с.

^{vi} Шопенгауэр. А. Понятия о воле. Основные идеи эстетики. \ \ А. Шопенгауэр. Избр. Произведения. – М., Просвещение, 1992.

^{vii} В.П. Руднев. Метафизика футбола: Исследования по философии текста и патографии. - М.: Аграф, 2001., Руднев В.П. Морфология реальности. - М.: Аграф, 1996, Руднев В.П. Прочь от реальности. - М.: Аграф 2000.

^{viii} М. Хайдеггер. Бытие и время. \ перевод В.В. Бибихина - М.: AD Marginem., 1997

^{ix} Сьюзен Лангер. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000г.

^x Указ. Соч., С.195.

^{xi} Указ. соч., С.210.

^{xii} Указ. соч., С.218.